

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ОСНОВНОГО ЗАКОНА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ

Часть 1

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)

В механизме воздействия конституции на общественные отношения показаны особенности ее специальных функций. Характеризуется политическая и идеологическая направленность основного закона. Учредительная функция представлена в регулятивно-статическом и регулятивно-динамическом аспекте. Как самостоятельная отмечена символическая функция, в связи с чем рассмотрен вопрос о государственной символике Беларуси эпохи суверенитета. Дается оценка воспитательного значения основного закона. Указаны общие черты организаторской, учредительной и легализационной функции. Информационное качество основного закона рассмотрено через его внешнеполитическую составляющую. Системообразующая и правоохранительная функции конституции представлены как важнейшие факторы обеспечения единства правовой системы. Делается вывод о невозможности составить исчерпывающий перечень функций основного закона.

Введение. Изучение функций конституции для современной юридической науки представляет значимую проблему ввиду особой роли основного закона в развитии социума и государства. Ее раскрытие позволяет понять механизмы и направления воздействия конституции на общественные отношения, что дает возможность максимально приблизиться к пониманию сущности и содержания этого феномена. По сути, функции основного закона отражают и предопределяют параметры всей правовой системы конкретной страны в ее динамическом измерении. При отсутствии каких-то единых критериев, позволяющих провести четкую классификацию функций конституции, в современной науке конституционного права принято различать общие и специальные ее функции. Первые – достаточно универсального свойства, не отражающие в полной мере специфику индивидуальных особенностей какого-либо государства, вторые – связаны с конкретным содержанием предметного основного закона.

По мнению Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркина, «неодинаковое содержание конституций, изменение его на разных этапах развития, природа конституции (демократическая, тоталитарная) определяют специальные функции конституций того или иного рода. Это – отдельные в функциях конституций» [1, с. 60]. Какого-то единого подхода по видам функций такого рода не существует, но чаще всего рассматривают: политическую, идеологическую, учредительную, символическую, воспитательную, организаторскую, внешнеполитическую, легализационную, системообразующую, правоохранительную.

Основная часть. Известное высказывание Карла Маркса о том, что «все юридическое в основе своей имеет политическую природу», верно по своей сути, а в отношении конституции приобретает особый смысл. Именно политическая направленность основного закона обуславливает его особую роль в жизни общества и государства. Императив о том, что конституция – это не только юридический, но и политический документ, не подвергается сомнению. Обращаясь к истокам конституционализма, ученые отмечают, что «Конституция США 1787 года конституционно закрепила политическую победу народа над колонизаторами (до принятия Конституции США после завоевания независимости действовали Статьи Конфедерации). Словами «Мы, народ Соединенных Штатов...» Конституция провозгласила народный суверенитет. Последующие конституции некоторых стран ликвидировали монархию и устанавливали республику [...], ограничивали власть монархов, вводили элементы парламентарной системы управления» [2, с. 48]. Но здесь необходимо дать историческую справку.

Принято считать, что в конституционно-правовой доктрине появление писаных конституций нового типа связывается с именем Монтескье как автором теоретического обоснования принципа разделения властей. Его известный тезис (работа «О духе законов») о том, что свобода и права индивида могут быть обеспечены лишь при строгом разделении властей, в эпоху буржуазных преобразований получил широкое признание и стал настоящим политическим лозунгом. Как сказано, например, во французской Декла-

рации прав человека и гражданина 1789 года, «всякое общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, *не имеет Конституции*» (курсив наш. – А. П.) [3, с. 137]. Именно с этой самой поры, уверен Б.С. Эбзеев [4, с. 95], слово «конституция» стало политическим термином с вполне определенным значением, и если ранее это слово обозначало вообще государственное устройство, то теперь оно стало синонимом лишь конкретного государственного устройства (впоследствии, правда, разделение властей как главный признак конституционного государственного устройства уступило место идее народного представительства). Так понятие конституции наполнилось принципиально новым политическим содержанием.

В своих работах Ш.-Л. Монтескье неоднократно использовал термин «конституция» в политическом контексте. В частности, Книга одиннадцатая «*О законах, устанавливающих политическую свободу в ее отношении к государственному устройству*» гласит: «Есть также на свете народ, непосредственным предметом государственного устройства которого является политическая свобода. Обратимся к рассмотрению общих начал, на которых он ее утверждает. Если они хороши, то свобода отразится в них, как в зеркале. Нам не потребуется много труда для того, чтобы *обнаружить в Конституции политическую свободу*. Если можно ее увидеть там, где она есть, если она уже найдена, то зачем далее искать ее?» [5, с. 138]. В данном случае Ш.-Л. Монтескье ведет речь об Англии, и его вовсе не смутил тот факт, что эта страна никогда не имела кодифицированной конституции. Он всячески превозносит конституционное политическое устройство Англии и при каждом удобном случае подчеркивает деспотизм и дремучесть политических форм Московии, Турции, Персии. Как видим, термин «конституция» вошел в устойчивый политический обиход еще в первой половине XVIII века до известных североамериканских и французских событий.

С тех пор правовые акты под таким названием принимались в государствах для достижения определенных политических целей, что предполагало наделение их необходимыми свойствами. Прежде всего, политическая функция конституции отражает ее роль в закреплении и развитии основ государственной политики, регулировании властных, а значит политических отношений. «С включением в конституцию задач государства, – полагает А. Шайо, – она политизируется. Правда, за счет этого политические вопросы, возможно, будут решаться не только в соответствии с властными силовыми отношениями, а обретут конституционное измерение, что обеспечит возможность принятия и более уравновешенных решений, а также позволит удержать в юридических рамках политические раздоры» [6, с. 44]. Из опыта мы знаем, что конституция не всегда могла выступать в роли «смирительной рубашки» для сиюминутных политических победителей. Но в странах с устойчивым правопорядком это удавалось вполне. По существу, конституционные нормы «представляют собой особое нормативно-правовое оформление политических норм, трансформацию их в государственно-правовой императив. Некоторые конституционные нормы обладают чертами политической директивы...», – утверждает В.О. Лучин [7, с. 39]. Действительно, говоря о «политической окраске» конституционного права, обычно тем самым стремятся отметить присущее ему особое свойство, благодаря которому оно содержательно отличается от других отраслей.

Ярко выраженную политическую направленность конституции подчеркивает О.Е. Кутафин: «Конституция является важнейшим политическим документом [...]. В конституции, как ни в каком другом правовом акте, политико-правовые устои общества получают широкое и четкое законодательное выражение. Из общесоциальных категорий они переводятся в юридические, причем на самом высоком уровне. Конституция не только закрепляет сложившиеся соотношения политических сил, но и определенным образом организует их, переводя в ряд политико-правовых конституционных отношений» [8, с. 109]. Такая позиция является отражением общей тенденции в российской конституционно-правовой науке.

В немецком правоведении, как известно, характерно употребление термина «государственное право». Именно здесь эпитет «политическое» в смысле «государственное» отражает стремление к власти и влиянию на определение общей воли, самоутверждение государства и его руководящую роль. Как уточняет Й. Изензее, «политика при этом представляется как первооснова права, а право – как продукт и инструмент политики. [...] Политика и Конституция противостоят по необходимости как различные, однако взаимодействующие элементы, они же могут быть отделены друг от друга абсолютно. В конституционном государстве нет свободной от права политики» [9, с. 307]. Можно сказать, что в конституционном государстве политическое управление связано правом через основной закон. Здесь особо следует выделить роль конституционных судов как политико-правовых учреждений, во многом благодаря которым «конституция должна найти средний путь между Сциллой юридизации и Харибдой политизации» [9, с. 310]. Этот подход разделяется не всеми, но наша точка зрения сводится к тому, что активное конституционное правосудие неизбежно ведет к юридизации политики и политизации юстиции.

К Беларуси это относится в меньшей степени, так как в сферу конституционной юрисдикции не попадает множество проблем, традиционно решаемых европейскими конституционными судами: толкование конституции; проверка деятельности политических партий; подтверждение законности проведения

выборов и референдумов; разрешение споров о компетенции между высшими государственными органами; импичмент в отношении высших должностных лиц государства. Все эти компетенционные полномочия, вне всякого сомнения, имеют политическую «подкладку». Как показывает изучение зарубежного опыта, в европейских странах действие основного закона при эффективной поддержке конституционного суда сопровождается тенденцией сужать посредством права сферу политических факторов и переводить политические решения в правовые. Имеются примеры и обратного свойства, когда вольное обращение конституционных судов с основным законом способствует дестабилизации политического процесса. Конституционный суд с развитым статусом и большим объемом полномочий как инструмент правосудия не должен участвовать в политической борьбе за власть, но вправе принимать решения относительно ее конституционно-правовых параметров. Главное, чтобы нормативность конституции не приносилась в жертву чьим-либо сиюминутным политическим интересам.

Любая конституция включает множество положений, в которых доминируют политическая направленность, и Республика Беларусь здесь не исключение. Например, в тексте Основного Закона закрепляются принципы народовластия (статья 3), политического и идеологического многообразия (статья 4), многопартийности (статья 5). Много конституционных положений (статьи 33–38 и др.) говорят о политических правах и свободах граждан, в том числе предусматривающие различные формы и способы их участия в управлении делами государства. Отметим и «политические» полномочия высших государственных органов. Например, «Президент [...] гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, [...] обеспечивает политическую стабильность» (статья 79), Палата представителей «рассматривает проекты законов, в том числе об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (часть 2 статьи 97), Правительство «разрабатывает основные направления внутренней и внешней политики и принимает меры по их реализации» (абзац 2 статьи 107). Основной Закон Беларуси содержит целиком «политический» Раздел III «Избирательная система. Референдум», что отличает его в данном аспекте, например, от Конституции Российской Федерации.

Отчетливому выражению политической функции способствует и то обстоятельство, что конституционным регулированием охватывается не только политическая система в целом, но и ее важнейшие элементы, субъекты, механизмы. Такой подход характерен для европейских конституций правовых систем романо-германского типа: «В континентальной Европе с ее абстрактным и политизированным мышлением довольно распространено внесение в тексты законов положений неюридического характера» [10, с. 49]. Как замечает Рене Давид, «англичане не воспринимают европейских правовых норм, они им кажутся часто просто общими принципами, выражающими какие-то пожелания морального порядка или устанавливающими скорее *политическую программу*» (курсив наш. – А. П.), а не нормы права» [11, с. 266]. Излишне говорить, что все без исключения «социалистические конституции» являлись не столько юридическими, сколько политико-идеологическими документами. Например, в Конституции СССР 1977 года прямо говорилось (статья 6): «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза» [12, с. 29]. Именно КПСС руководила политикой страны, а в самой партии решения принимались ее Центральным Комитетом, но чаще всего – Политбюро (например, всего четыре человека из состава Политбюро – Брежнев, Андропов, Устинов, Сулов – приняли в свое время решение о вводе советских войск в Афганистан, что повлекло как для СССР, так и для Афганистана необратимые последствия). Такие политизированные конституции отличаются декларативностью содержащихся в них положений, недостаточной юридической определенностью и малоприспособленностью осуществления на практике.

С политической оценкой конституции тесно связана ее *идеологическая функция*. Слово «идеология» греческого происхождения и составлено из *idea* (понятие, представление) + *logos* (учение) [13, с. 237]. Французские авторы Ш. Дебаш и Ж.-М. Понтье в книге «Введение в политику» [14, с. 77] пишут о том, что впервые оно употреблено в труде Дету де Тресси «Проект элементов идеологии» и обозначало науку, которая объектом изучения полагала идеи. Но после XVIII века слово изменило свой смысл. Большинство ученых в настоящее время соглашаются с формулировкой Ж. Ляпьера: «Идеология – это совокупность коллективных представлений, с помощью которых устанавливается иерархия ценностей», данное им в книге «Современные идеологии» [15, с. 77]. «Идеология есть нечто такое, что не может быть доказано, истинность чего не может быть продемонстрирована», – это уже Ф.-А. фон Хайек [16, с. 76]. Самое краткое определение идеологии нами обнаружено в трактате известного правоведа С. Синха «Юриспруденция. Философия права»: «Идеология есть утверждение о предпочтительных ценностях» [17, с. 67]. Автор, в частности, объяснил причины того, почему большинство правовых теорий (лежащих в основе конституций) подспудно выдвигали концепции идеологического характера и выдавали предпочитаемые ими ценности за философию, открывающую всеобщую, универсальную истину. Не случайно В.Е. Чиркин [32, с. 1006] рассматривает ценности конституции с позиций аксиологического подхода.

Интересны рассуждения Анжелики Нуссбергер [18, с. 91–92] о том, что термины «идея» и «идеология» – понятийная пара, которая встречается в таком же виде во многих языках, – не являются идентичными (обратную точку зрения высказывает российский автор В.И. Якунин [19, с. 5]). Немецкий ученый напоминает, что термин «идея» имеет греческое происхождение и обозначает образец, духовное представление, проявление – это тесно связано с философией Платона. Словосочетание «идеология» состоит из частей «идея» и «логос», оно сформировалось только в Эпоху Просвещения и характеризовало изначально школу, направленную против рационализма Декарта, а негативное его использование Наполеоном продолжает оказывать влияние и по сей день. Так, под «идеологией» понимают, как правило, догму, учение, которое вытесняет определенные эмпирические данные современности, отвергает иные гипотезы. Таким образом, «негативность» этого выражения А. Нуссбергер связывает с представлением об односторонности, властвовании и манипуляции вместе с подавлением иных идей. Как мы помним из недавнего прошлого, в посткоммунистических государствах на содержание данных понятий оказало влияние то, что идеи и идеологии понимались в марксизме всегда как инструмент для достижения материальных целей. Это обременение, как можно убедиться, накрепко засело в головах современных людей.

Современная наука исходит из того, что «идеология является сложным духовным образованием. Она включает в себя определенную теоретическую основу, которая представляет собой систему политических, правовых, религиозных, философских взглядов на социальную действительность, общество и отношения людей между собой, а также выделяющуюся из этой системы программу действий и механизмы распространения идеологических установок среди населения» [8, с. 214]. Относительно правоведения С.А. Авакьян вполне логичным видит «трактовку конституционализма как набора идей. Они существуют объективно, как правило, отражаются в конституции и иных близких к ней актах», но делает важное уточнение о том, что «в конституцию можно “навключать” сколько угодно идей, то есть сделать их нормативно закрепленными, но в жизни мало следовать соответствующим конституционным положениям» [20, с. 28]. Ученый во всех своих последних публикациях настойчиво повторяет о неизбежности гибели конституционализма, если его ценности (свободная личность, демократия, гражданское общество) попадают в основной закон, но далее сводятся на нет текущим законодательством и практикой.

Вопрос об идеологической функции конституции во многом предопределяет понимание её политической составляющей, пожалуй, – важнейшей в её характеристике. Решение проблем «деидеологизации» либо «сверхидеологизации» конституции возможно лишь с точных методологических позиций, что представлено в подходе В. М. Розина: «Анализ понятия “идеология” позволяет различить два основных дискурса: “негативный”, здесь идеология рассматривается как ложная форма общественного сознания, и “позитивный”, когда идеология отождествляется с определенными, главным образом политическими, воздействиями на общественное сознание» [21, с. 105]. Во втором случае, надо полагать, речь идет о таких аспектах духовной и национальной ориентированности государства, которые играют важнейшую роль в консолидации общественных усилий.

Конституционное право, как никакое другое, тесно связано с идеологией, «эта наука из всех юридических наук имеет наиболее ярко выраженное политическое и идеологическое содержание», – утверждает Н.А. Боброва [22, с. 114]. Юридическая наука (как общественная наука в целом) и идеология являются формами человеческого сознания и отражения действительности. Но разницу между ними следует видеть. Для А.Ф. Черданцева [23, с. 23] это различие представляется следующим образом. По его мнению, научные знания отражают объект исследования таким, каким он есть в действительности, следовательно, ориентированы на свой объект. Идеология же – отражение общественного бытия через призму социально-групповых интересов, и она ориентирована не столько на объект познания (государство и право), сколько на интересы субъекта, взятого на социально-групповом уровне. Назначение идеологии – выработка системы ценностей, которую стремятся затем претворить в действительность. Но идеология всегда отражает интересы лишь части общества, и объективной она не может быть по определению. Но коль скоро государство и право конкретной страны ориентированы идеологически на определенную систему ценностей, то и в основном законе неизбежно обнаруживаются «отклонения» в сторону той или иной идеологии. Это даёт основания приписывать любой конституции идеологическую функцию, поскольку в ней «в той или иной форме, в том числе скрыто, присутствует какая-либо идеология, через которую преломляется действие ее положений» [24, с. 64].

Однако не все правоведы придерживаются такой позиции. Например, авторитетный ученый и практик М.В. Баглай отрицает какую-либо связь конституции с идеологией, ссылаясь на то, что это свойственно якобы лишь тоталитарному государству: «Конституция выполняет и определенную идеологическую функцию, хотя это в прямом смысле скорее свойственно тоталитарному государству, а сумма ценностей, лежащих в основе конституции демократического правового государства, находится как бы за пределами идеологического плюрализма. Конституция – вне идеологии, [...] если она и выражает какую-то оп-

ределенную, универсальную идеологию, то это философия свободы и правового государства» [25, с. 65]. Здесь, очевидно, автор впадает в крайность, отстаивая свои действительно прогрессивные взгляды. Отказ от имевшей место сверхидеологизации и откровенно классового характера советских конституций не должен замещаться отрицанием всякой связи конституций с идеологией в современном мире. Можно согласиться с В.И. Якуниным по поводу того, что «в настоящее время теория *деидеологизации* представляет собой скорее научный архаизм, и апелляция к ее доводам довольно сомнительна» [19, с. 6]. Об этом пишет и профессор О.В. Мартышин [26, с. 31]. Во всех без исключения законодательных текстах неизменно присутствуют идеологические компоненты, но ни один из них не дает никаких оснований для отрицания важнейшего гуманистического принципа – соблюдения прав человека.

Сам факт существования идеологии в развитом обществе нередко подвергается сомнению: «... в нормальном урбанизированном государстве никакая общая идеология невозможна» [27, с. 475]. И в то же время А.П. Никонов, автор цитаты, здесь же утверждает: «... наиболее успешным и богатым будет общество, заложившее в свою основу *идею свободы* (курсив наш. – А. П.)» [27, с. 475]. Но разве идея свободы «вне идеологии»? Например, С.А. Авакьян рассматривает идеологическую составляющую конституции в *мировоззренческом* смысле: «Ведь практически каждое слово конституции, все закрепленные институты выражают видение желаемой социально-политической системы страны. Разве не очевидна одна идеология в категорическом отрицании частной собственности – это делали советские конституции, и совсем противоположная – в конституционном закреплении частной собственности и вообще многообразия форм собственности в стране (Конституция Российской Федерации 1993 г.)» [28, с. 143]. По мнению В.О. Лучина, «государство и принимаемые им законы не могут быть идеологически аморфными. В любой конституции всегда присутствует определенный идеологический вектор, но она не должна предписывать в качестве государственной, обязательной идеологию какого-либо класса (классов), социальной общности, тем более – индивидуальную» [7, с. 41]. О том, что нормы-цели, нормы-принципы в отчётливой либо скрытой форме отражают ту идеологию, которой руководствовались создатели конституций, пишут Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин: «Любая конституция несёт на себе отпечаток взглядов своей эпохи и её создателей [...]. В свою очередь, она оказывает огромное влияние на умы своего, а зачастую и последующих поколений. В этом тоже выражается её идеологический характер» [1, с. 59]. Очевидно, что при таком подходе авторы идеологическую функцию рассматривают в тесной привязке с историко-культурной и воспитательной функциями конституции.

Нормы и принципы большинства современных конституций сами по себе имеют внеклассовый характер (ценность человеческой жизни, создание необходимых условий для существования людей в обществе, веротерпимость, уважительное отношение к трудовой и иной созидательной деятельности, отрицание насилия), но выражение и отстаивание таких ценностей является сутью мировоззренческих, а значит, идеологических основ современной цивилизации. Даже закрепление в конституции принципа политического и идеологического плюрализма – это не что иное, как воплощение важнейшего принципа идеологии подлинной демократии. Признавать «деидеологизированный» характер конституции – значит отрицать то, что свойственно природе человека – потребности в идеологии как осознанной цели общественной деятельности.

Именно идеология предшествует появлению конституции как таковой. Вспомним, что Декларация независимости США 1776 года – основополагающий конституционный документ – «провозглашает естественные права человека как один из важнейших постулатов идеологии» [2, с. 49]. («Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [29, с. 25]). В этом гениальном манифесте авторства Т. Джефферсона говорится о правлении с согласия управляемых, о праве народа на изменение формы правления и свержение деспотического правительства, о принципах справедливого международного права и многом другом. Но до принятия Конституции США осталось еще 11 лет! Справедливости ради отметим, что «постулаты» Декларации нашли отражение не в самом тексте, а в поправках 1791 года – известных как Билль о правах.

Иное дело, что современная конституция не должна предписывать в качестве государственной какую-либо конкретную идеологию (коммунистическую, христианскую, либеральную). К сожалению, само слово «идеология» зачастую воспринимается именно в таком контексте, что во многом объясняется очень медленным освобождением общества от имевшей место в СССР тотальной идеологизации, где единственно верным признавалось учение марксизма-ленинизма. Не просто правовым актом, но типичным документом научного коммунизма являлась Конституция СССР 1977 года: «...она исходила из построения всей жизни в стране на постулатах теории и практики социалистического и коммунистического строительства, а в преамбуле Конституции содержалась характеристика существовавшей в стране общественной системы как развитого социализма» [28, с. 143]. Действительно, вводная часть последней советской

Конституции 1977 года начиналась со слов о всемирно-исторической миссии Октябрьской революции, обозначившей переход человечества от капитализма к социализму, а «развитое социалистическое общество – закономерный этап на пути к коммунизму» [12, с. 27]. Все без исключения конституции тоталитарного социализма отличались чрезмерной идеологизацией.

В настоящее время действуют конституции, для которых характерны особенности «социалистической» модели: исключительная и руководящая роль в обществе и государстве одной политической партии; господство государственной формы собственности; единство государственной власти; узаконение режима личной власти главы государства. Например, учения и идеи Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина и «чучхе» являются официальной идеологией согласно конституциям Китая, Вьетнама, КНДР. Такой вариант идеологического предназначения основного закона исключает Конституция Республики Беларусь. По своему содержанию она призвана базироваться на учёте интересов общества в целом, выражать определенную равнодействующую интересов самых разных социальных групп.

Тем не менее белорусская Конституция не перестаёт быть идеологическим документом, но – с позитивным идеологическим потенциалом. В первых двух разделах Основного Закона устанавливаются принципы взаимоотношений по линии личность – общество – государство, основанные на гуманизме, справедливости и взаимной ответственности (ст. 2, 12, 16, 21, 23, 24 и др.); закрепляются многие демократические ценности (ст. 3, 4, 5, 6, 7, 22 и др.); предусматривается создание необходимых условий для усвоения и активного использования гражданами достижений культуры, науки, образования, искусства для формирования свободной личности (ст. 49, 51, 54 и др.); некоторые права и обязанности рассматриваются в контексте нравственного и патриотического долга (ст. 23, 27, 32, 34, 44, 50, 53, 57 и др.). Понимание конституции не только в ее формально-юридическом, но и политико-идеологическом выражении способствует зарождению у субъектов (юристов – прежде всего) адекватного «конституционного мировоззрения» [30, с. 60], пониманию сути современных государственно-правовых, социально-политических и финансово-экономических явлений и процессов в их объективной сложности и взаимосвязях.

Поскольку Конституция Беларуси отражает вполне определенную систему ценностей, взглядов, идей, ориентиров, то, несомненно, это идеологический документ. Но в то же время, как и многие конституции, принятые на рубеже 80–90-х годов XX века, она освобождена от излишней идеологической нагрузки. Очень важной представляется статья 4 Конституции Беларуси: «Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан». Понятия суверенного, правового, демократического, социального государства глубоко идейные по своей сути, они и являют официальную государственную идеологию нашей страны. Следовательно, отмечает Н.В. Сильченко [31, с. 111], вопрос заключается не в том, быть или не быть какой-то идеологии официальной государственной, а в том, какой должна быть официальная государственная идеология. Будет ли это идеология узкоклассовая, воинственная, отрицающая право на существование иных мировоззрений и взглядов, либо такая система ценностей и идеалов, которая бы на практике обеспечивала равные права и возможности граждан, их групп и объединений независимо от их взглядов, социального, национального, имущественного и иного положения в обществе и гарантировала развитие его на принципах подлинно правового государства.

Как было сказано, отсутствие в тексте Конституции Беларуси «открыто» идеологических статей вовсе не означает, что основному закону нехарактерны идеологические свойства. Как и другие современные европейские конституции, он в основе своей базируется на определённых идеологических, политических и правовых концепциях, что позволяет сформулировать чёткие принципы, по которым развивается общество и государство. Важно, чтобы эта идеологизация и политизированность не «перекрывали» регулятивных качеств Конституции, иначе она попросту не сможет выполнять свою юридическую функцию как Основной Закон. Но это проще сказать, чем сделать. Сложный характер изучаемого феномена, пожалуй, никогда не позволит говорить о регулировании общественных отношений с позиций «чистой юридикации». Подчеркивая многоаспектность конституции, Н.В. Витрук [33, с. 113] видит ее ценность через категории «желаемого права», позитивных официальных установлений и фактического воплощения. Известная триада права – законности, эффективности, справедливости – со всей неизбежностью отразилась и в конституционных текстах.

В Беларуси, чтобы повысить политическую культуру студентов, вот уже много лет во всех высших учебных заведениях читается обязательный курс «*Основы идеологии белорусского государства*». Как показывает практика, нередко его изучение сопровождается изначальной установкой скептицизма и недоверия со стороны студенческой аудитории, хотя типовая программа составлена качественно и соответствует современным представлениям европейской гуманитарной мысли. В программе есть очень важная тема, звучащая красноречиво: «**Конституция Республики Беларусь – правовая основа идео-**

логии белорусского государства». Тем самым государственный стандарт окончательно снял вопросы и сомнения о наличии у Конституции идеологической функции. Думается, творческий и прогрессивный подход в преподавании и освоении такой дисциплины может иметь важное просветительское, мировоззренческое и информационное значение. В этой связи можно отметить вдумчивые и содержательные работы С.В. Решетникова [34], Я.С. Яскевич [35]. Но книги В.А. Мельника (например, [36]) – из разряда особенных. Только невольно задаешься вопросом, какое отношение псевдофилософские опусы различных дугиных, красавиных и кара-мурзов имеют отношение к национальной самоидентификации Беларуси? Вот лишь некоторые фрагменты.

Вопреки смыслу статьи 4 Конституции Беларуси доказывается, что «условием благополучия белорусского народа, условием гражданского и национального согласия в нашей стране является именно совпадение основополагающих постулатов идеологии правящего в данный момент правительства (есть такое? – *А. П.*), сформированного той или иной национальной политической партией (у нас не парламентская республика, а правительство формируется Президентом, принципиально беспартийным. – *А. П.*), с национальной идеологией, с идеологией белорусского государства» [36, с. 71]. Оказывается, что «мировоззренческий плюрализм и государственная идеология в гражданском обществе [...] предполагают друг друга. Государственная идеология есть в сущности своей идейная «скрепа» гражданского общества» [36, с. 92]. Как данность констатируется, что «в институтах и принципах нынешней политической системы Республики Беларусь получили свое выражение такие идеи либерализма (? – *А. П.*), как народовластие, парламентаризм, разделение властей, неотчуждаемость прав и свобод граждан, верховенство принятого в установленном порядке закона, плюрализм форм собственности, автономия ассоциаций граждан и др.» [36, с. 98]. О должном или фактическом идет речь?

История белорусской государственности выглядит так. «... Полоцкое княжество, – пишет В.А. Мельник на странице 104, – имело все основные признаки, присущие государственным образованиям», а на странице 119 – «... явным преувеличением является представление Полоцкого княжества как истока белорусской государственности или, тем более, как собственно белорусское государство». Если, иронизирует П. Рудковский, «Полоцкое княжество имело признаки, присущие государственным образованиям, то для какого современного народа оно должно быть истоком государственности? Для поляков? русских? украинцев? То, что тогда не было белорусского народа в современном понимании, не является основанием отказа от полоцкого наследия, которое сыграло важную роль для дальнейшего формирования белорусского этноса» [37, с. 29]. Крайнее недоумение вызывает откровение, наподобие того, что «не стоит большого труда увидеть, что история и культура Беларуси составляла и составляет органическую часть русского цивилизационного сообщества. Белорус по своему мирозерцанию, формам практической жизни является русским человеком, а Беларусь в этом смысле – составная часть русской цивилизации. Утверждая свою русскость, белорусы тем самым заявляют о своей приверженности идее общества как универсальной общности людей, объединяющей их вокруг не только материально-экономических и политических, но и духовных целей человеческого существования, что собственно и составляет содержание *русской идеи*» [36, с. 111].

Цитат, пожалуй, достаточно. Словно мантру В.А. Мельник повторяет через всю книгу, что «социум, организованный в государство, всегда нуждается в государственной идеологии», «крушение государственной идеологии означает и разрушение самого государства» (если имеется в виду нацизм, коммунизм и фашизм, автор не ошибся), а «плюрализм возможен только в рамках государственной идеологии!» Внутренняя противоречивость, догматичность, выпячивание славяно-российских установок, этико-антропологический нигилизм – такова спартанско-авторитарная версия о роли идеологии в государстве. Все эти постулаты категорически противоречат сущности белорусской Конституции, извращают феномен ее идеологической составляющей. А книга, между прочим, «рассчитана на научных работников, практических политиков, преподавателей, студентов и аспирантов, всех, кто интересуется современными социально-политическими процессами» (с. 2). Попытку «анализа концептуальных аспектов государственной идеологии Республики Беларусь» (с. 12) следует признать полностью провалившейся, но читать такие книжки тоже полезно.

Подытожим сказанное выше позицией академика О.Е. Кутафина: «...отсутствие государственной как обязательной идеологии не означает, что органы государственной власти действуют независимо от каких-либо идеологических взглядов и находятся вне идеологической борьбы в обществе. Совершенно очевидно, что это не соответствует действительности. Общество и государство не могут существовать без идеологии. Чтобы развиваться, они должны иметь концепцию развития, которая и является выбором определенных идеологических установок. *Эти установки находят отражение в конституции и других законах* (курсив наш – *А. П.*)» [8, с. 217]. Отрицание идеологической функции го-

сударства неминуемо влечет ценностную дезориентацию общества, что неизбежно отражается на уровне правосознания. Однако еще раз подчеркнем, что в конституционном государстве не должно быть места идеологическому монополизму.

Окончание статьи в следующем номере журнала «Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки». 2015. № 14.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
2. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: моногр. / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 656 с.
3. Конституции зарубежных государств / сост. проф. В.В. Маклаков. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: БЕК, 1999. – 584 с.
4. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
5. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
6. Шайо, А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / А. Шайо. – М.: Юристъ, 1999. – 292 с.
7. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
8. Кутафин, О.Е. Российский конституционализм / О.Е. Кутафин. – М.: Норма, 2008. – 258 с.
9. Государственное право Германии. Т. 2; сокращ. пер. с нем. семитомного изд. / Г. Арним [и др.]; пер. с нем. С.А. Реутовой [и др.]; редкол.: Б.Н. Топорнин (отв. ред.) [и др.]; РАН. Ин-т государства и права. – 1994. – 320 с.
10. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3-х т. – изд. 2-е, перераб. и доп.; отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. – М.: ИКД “Зерцало-М”, 2001. – 528 с.
11. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 400 с.
12. Конституция СССР и развитие советского законодательства. – М.: Юрид. лит., 1981. – 376 с.
13. Словарь иностранных слов. – Государственное Издательство Иностранных Национальных Словарей, 1949. – 808 с.
14. Дэбаш, Ш. Уводзіны ў палітыку / Шарль Дэбаш, Жан-Мары Пант’е; пер. з фр. А. Істоміна, С. Барысевіча, Ю. Жалезкі; пад рэд. І. Бабкова, В. Булгакава, В. Вячоркі, В. Кавалёвай. – Мінск: ЭўроФорум, Беларускі Фонд Сораса, 1996. – 624 с.
15. Lapiere, J.-W. Essai sur le fondement du pouvoir politique. – Éditions Ophrys, 1968. – 711 p.
16. Хайек Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
17. Пракаш, С. Юриспруденция. Философия права. – М.: Академия, 1996. – 347 с.
18. Нуссбергер, А. Плюрализм – конституционная ценность / А. Нуссбергер // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 6(67). – С. 89–98.
19. Якунин, В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход / В.И. Якунин // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 5–12.
20. Авакьян, С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 27–30.
21. Розин, В.М. Развитие права в России как условие становления гражданского общества и эффективной власти / В.М. Розин. – М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2005. – 352 с.
22. Боброва, Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России / Н.А. Боброва. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 264 с.
23. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрист, 1999. – 432 с.
24. Мазуров, А.В. Конституция и общественная практика / А.В. Мазуров. – М.: Частное право, 2004. – 364 с.
25. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и фак. / М.В. Баглай. – М.: НОРМА, 2000. – 776 с.

26. Мартышин, О.В. Идеино-политические основы современной российской государственности / О.В. Мартышин // Государство и право. – 2006. – № 10. – С. 31–37.
27. Никонов, А.П. Свобода от равенства и братства. Моральный кодекс строителя капитализма / А.П. Никонов. – 2-е изд., доп. – М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2011. – 536 с.
28. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. Т. 1. – М.: Юристъ, 2005. – 719 с.
29. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты; пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский; под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 768 с.
30. Бондарь, Н.О. О конституционной модели юриста и роли конституционной компаративистики в системе юридического образования / Н.О. Бондарь // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 6(73). – С. 57–64.
31. Сильченко, Н.В. Закон: проблемы этимологии, социологии, логики / Н.В. Сильченко. – Минск: Навука і тэхніка, 1993. – 119 с.
32. Чиркин, В.Е. Ценности современных конституций: проекций будущего / В.Е. Чиркин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – Шестой вып. (№ 43). – С. 1006–1015.
33. Витрук, Н.В. Верность Конституции / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во Рос. акад. правосудия, 2008. – 272 с.
34. Основы идеологии белорусского государства: учебник для вузов / под ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 690 с.
35. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты: учеб.-метод. пособие для вузов / Я.С. Яскевич. – Минск: РИВШ БГУ, 2003. – 360 с.
36. Мельник, В.А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В.А. Мельник; науч. ред. П.Г. Никитенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2003. – 240 с.
37. Рудкоўскі, П. Паўстаньне Беларусі / П. Рудкоўскі. – Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2007. – 252 с.

Поступила 08.04.2015

THE CONSTITUTIONAL SPECIAL FUNCTIONS SUCH AS DISPLAY OF INDIVIDUALITY WITHIN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT

Part 1

A. PUGACHEV

The features of constitutional special functions in the mechanism of impact of the constitution on the public relations are shown. The political and ideological orientations of the basic law are characterized. Constituent function in static and dynamic aspects is presented. The assessment of educational value of the constitution is given. Common features of organizing, constituent functions are specified. Information quality of the basic law is considered through its foreign policy component. Backbone and law-enforcement functions of the constitution are presented as the most important factors of ensuring unity of legal system. A conclusion about the impossibility to make the exhaustive list of functions of the basic law is drawn.